

1

Этой ночью в городе мостов и тумана произошло двойное убийство.

Варвара Сергеевна Самоварова, красавица с ноябрьским снегом в волосах, еще во сне почувствовала необъяснимую тревогу.

И сон-то впорхнул, как из фильма сумасшедшего гения: в пурпурном небытии плавали беременные рыбы, ослепило показавшееся на время солнце, но быстро исчезло вместе с рыбами, оставив после себя смазанное черно-серое пятно.

И появились прачки.

По пояс голые бесстыжие бабы на балконах серых, прижатых друг к другу зданий, дружно распевая про любовь да про смерть, отжимали и развешивали белье.

Бабы были совсем юные, с едва оформившейся грудью, и зрелые, в самом соку (эти особенно нарочито прижимались к перилам, а некоторые даже зывали к себе ошарашенных прохожих), и старые, сморщенные, самые бессовестные, которые совсем не смущались своей наготы, а кичились ею и, демонстрируя свое превосходство перед остальными, вызывающе громко хохотали, широко раскрывая беззубые рты.

Варвара Сергеевна Самоварова встала с кровати.

На ходу разминая ноги, тяжело протанцевала к окну, открыла настежь форточку и, впервые за долгое время нарушив предписание врачей и здравого смысла, закурила натошак.

За грязной тюлевой занавеской трепыхался ее шестидесятый май, месяц молодых, месяц страсти.

Варвара Сергеевна прекрасно знала, что в девяноста девяти процентах случаев страсть не истинна и что, быстро зародившись, так же быстро помрет, затерявшись в коммунальных платежах и витринах с обувью, что не по карману. Но сейчас Варвара остро чувствовала, что где-то неподалеку притаился тот единственный оставшийся процент, который извращает все правила, делая их исключениями.

* * *

На кухне дочь отскребала от чугунной сковородки подгоревший омлет.

— Привет, мам...

— Привет, Аня, привет!

— Как спалось? Много преступников наловила?

Вопрос прозвучал с издевкой.

Самоварова не имела намерения реагировать на колкости дочери.

— Не помню... Что, много у тебя сегодня экскурсий?

— Если хочешь завязать содержательный разговор, придумай что-нибудь поинтереснее! Много — не много, твое-то какое дело?!

Почти всегда отекая по утрам, давно не обнимавшая мужчину, Аня грубо, как когда-то делал ее отец, плюхнула на тарелку с выцветшим по краям цветочным орнаментом свой неаппетитный завтрак, резко повернулась спиной к матери и полезла в ящик за таблетками.

— Раз, два-с, три-с... И чтобы при мне выпила!

— Хорошо-хорошо, выпью... Собирайся уже, а то опять впопыхах что-нибудь забудешь...

Самоварова достала из холодильника пачку обезжиренного, с ненавистной горчинкой творога и обреченно села напротив дочери, продолжая украдкой за ней наблюдать.

Еще каких-то пару лет назад ее дочь была чудо как хороша! От мужиков не было отбоя. Разрывался мобильный, Анна Игоревна кокетничала с трубкой, уходила вечерами, возвращалась под утро из кабаков да гостиниц, утомленная, с пустыми глазами, иногда — пьяная, иногда — счастливая.

И все — не то, не то пальто...

— Ну что ты на меня все поглядываешь? Не нравлюсь?

— Зачем ты так, Аня? Я просто задумалась...

Самое поганое, что через месяц-другой предчувствия Самоваровой сбывались: никто из них не оставил «где-то там» семью и никто никогда не возвращался.

Лет пять тому назад был у Ани один, из местных: рост — метр восемьдесят один, лицом похожий на молодого актера Рыбникова. Так присосался к дому, что, бывало, никакими намеками не выгонишь.

А дочь даже готовить научилась.

Возможно, и правда любил он Аню.

Но, как водится, с оглядкой, не забывая о своем удобстве.

И удобство это, после всех слов и обещаний, перетянуло его обратно к той, с которой долгие годы жил законным браком: не слишком красивой и совсем не образованной, зато понятной и удобной.

Самоварова, если бы ее прямо сейчас призвали на Страшный суд, не смогла бы честно ответить, кого, по ее мнению, дочери лучше терпеть: такого-разэтакого козла, с его враньем и перегаром, или мать, с плохо помытыми чашками, линияющими кошками, рецептами и пенсией.

В кастрюльке на плите вскипели бигуди.

После того как они повиснут тяжелыми гроздьями в дочкиных волосах, нужно отсчитать еще сорок минут, только тогда Варвара сможет наконец уйти из дома по своему сверхважному делу.

- Аня, возьми зонт!
- Отстань.
- Возьми, говорю.
- Зачем?
- Дождь будет.
- Кто сказал?
- Не помню... По радио передали...
- Мама, хватит! Лучше иди корми кошек! Достали уже, под ногами путаются!
- Ты можешь простудиться... Заболеешь.
- И что, помру, да?! Ничего, повеселишься у меня на похоронах!

Застучали сердитые каблучки, хлопнула входная дверь.

Никогда не ходившая в церковь Варвара Сергеевна перекрестила то место, где только что стояла дочь, протяжно выдохнула и шустро, будто пятнадцатилетняя девчонка, бросилась обратно на кухню.

Аня возводила на кошек напраслину: они ни у кого под ногами не путались. Кот Пресли, пятилетний американский керл, подарок Ларки Калининой, по утрам царственно возлежал посреди кухни в ожидании доброго слова и завтрака. Безродная красотка Капа исподволь изучала содержимое тарелок и чашек, поглядывая в окно за птицами и нервно дергая хвостом. Аня почему-то обзывала ее базарной хабалкой, а Варвара считала воплощенной женственностью: Капа всегда знала, чего хочет и как этого добиться. В данный момент она жадно лакала воду из стакана, приготовленного, чтобы запить таблетки.

— Минуточку подождите... Я вас порадую! — пообещала Самоварова и первым делом выкинула в помойку спрятанные под тарелкой таблетки.

Кошачья радость заключалась в отступлении от заведенного порядка: Варвара Сергеевна не стала греть кашу с рыбой — а они не очень-то и просили, им явно надоело правильно питаться — и насыпала в миски сухого кошачьего фастфуда, встреченного с большим энтузиазмом.

— Глупые вы кошки! — бросила на ходу Варвара и скрылась в ванной.

Пока кошки дружно хрустели кормом, Варвара Сергеевна наскоро умылась, надела хлопковое, в мелкий белый горох черное платье, причесалась, посмотрела в зеркало и подкрасила красивые полные губы яркой помадой.

Все.

Осталось найти зонт.

— Кошелек, ключи, зонт... Кошелек, ключи, зонт... — заглядывая во все углы, бубнила себе под нос Варвара Сергеевна.

Когда все необходимое было уже в руках, она, словно вдруг что-то вспомнив, стремительно направилась в свою комнату.

На дне изящного флакончика, дремавшего на полке в платяном шкафу, оставалось несколько капель цветочно-пудровой мечты.

— Пресли, брысь отсюда! И не надо так на меня смотреть! Тебе это не нравится, зато нравится мне! Имею я право, в конце-то концов?!

Пресли демонстративно чихнул прямо в цветочное облако, содрогнулся всей своей холеной шкуркой и, демонстрируя глубочайшую обиду, направился к подоконнику, на котором уже картинно разлеглась Капа. За стремление все и всегда делать напоказ Варвара ласково называла кота позером, а кошку — актриской.

— Ну все! Можете и дальше ломать комедию, мне пора! Хорошо хоть, ключи у меня еще не отобрали...

Варвара Сергеевна осторожно выскользнула за порог квартиры и, стараясь действовать как можно тише, дважды повернула ключ в замке.

— Доброе утро! — Со второго этажа медленно спускался сосед в мешковатом сером костюме с плотно затянутым на морщинистой шее галстуком.

Самоварова неохотно кивнула.

— Ну как там, Варвара Сергеевна, питомцы ваши?

— Спасибо, хорошо. — Самоварова вытащила было из сумочки кошелек, но не захотела при постороннем пересчитывать скудное содержимое и быстро убрала его в карман плаща.

— Здесь вчера мужик какой-то в подъездную дверь ломился, мол, корм привез для кошек. Я сразу понял, что к вам, к кому же еще. Якобы домофон у вас не работал и трубку вы не брали... Подозрительный тип! Вы уж извините, но в подъезд я его впускать не стал. Вам ли не знать, сколько сейчас жуликов развелось!

Самоваровой хотелось поскорее избавиться от соседа. Не считая нужным поддерживать разговор, она затопилась к лестнице.

— Секундочку, постойте! — повысил голос сосед.

— Что, простите?

— Варвара Сергеевна! Если уж вы заказываете доставку, будьте добры, не создавайте соседям неудобств!

— М-да?.. Всего хорошего!

Никакого курьера она не ждала, и заказать что-либо по интернету у нее не было возможности: интернет в квартире давно уже существовал только на Анькином запароленном ноутбуке. Может, это Анька проявила нежданную заботу, а потом закрутилась и сама о том позабыла? Так на нее похоже!

Сосед посмотрел Самоваровой вслед, крутанул пальцем у виска.

— Говорят же: шизофреничка, ну что с нее возьмешь?

Варвара Сергеевна вышла из подъезда на старинный, оживленный в этот час проспект и так быстро, как только позволяли ноги, понеслась по адресу, который шепнул ей в трубку пару часов назад один хороший человек.

Благо это было неподалеку.

2

Незрачная двухэтажная гостиница, выкрашенная в желтовато-коричневый цвет, с тяжелыми решетками на низких окнах и затейливыми, словно случайно кем-то передвинутыми с пешеходных улиц чугунными лавочками по обе стороны от входа, располагалась в небольшом, уже утопавшем в майской зелени дворике.

В данный момент в тихом уголке творилось нечто невообразимое: на крошечной гостиничной парковке стояли три машины полиции и «скорая помощь», а служащие отеля в некрасивой униформе, зеваки из окрестных домов и похожие на гончих псов полицейские возбужденно суетились, покрывая громкими возгласами и матом весь этот маленький тесный пятачок.

Лупоглазая и худосочная администратор отеля с усилием придерживала рукой входную дверь, через которую беспрерывно сновали люди.

Самоварова стала протискиваться в самую гущу массовки. На нее тут же повеяло валокордином, гастритным желудком, дешевой кожей форменных полицейских ремней, сигаретами и плохим кофе.

Никто не обратил на нее ни малейшего внимания. Это позволило сразу же слиться с толпой в единый живой организм, чтобы уловить энергию, тонкий след которой вел наверх, в недра небольшого здания, где, судя по всему, развернулось основное действие.

Две смахивающие на проводниц поезда горничные с аляповатым, неуместным для дневного света макияжем, спешно затягиваясь, негромко переговаривались между собой.

— Богатая была... Она за все и платила...

— То ли кубинец, то ли мексиканец! — объяснял возрастную мужчину в льняном пиджаке своему собеседнику — долговязому парню с бумажным стаканчиком кофе в руке и дурацкой собачкой под мышкой.

— А если так, то кого-то из консульства должны были вызвать, — громко и скорее сам для себя заключил мужчина, поскольку парень, которому повизгивавшая собачонка явно доставляла физическое неудобство, только хмуро угукал в ответ. — Что-то не вижу я тут машин с дипломатическими номерами...

— Р-р-разойтись!!! — скомандовал в мегафон показавшийся в дверном проеме майор в туго натянутой на пивном животе форменной рубашке.

Самоварова прищурилась: этого усатого она не знала.

— Всем посторонним лицам просьба разойтись по домам! — упорствовал тот, хотя в ответ в толпе не образовалось ни малейшего движения.

Двое совсем юных полицейских, девушка и парень, волокли по асфальту парковочные буйки и, расставив их в две линии, с помощью липкой белой ленты выделили коридор до машины «скорой», которая, истерично завывая и с трудом маневрируя в толпе, пыталась ровно сдать назад.

Самоварова поняла, что опоздала.

Скоро начнут выносить, и проникнуть в здание у нее уже точно не получится.

Она достала из сумки потертый очечник и папку, надела очки, положила сверху папки чистый белый лист, зажала в пальцах шариковую ручку и, уверенно подвигав локтями, натоптала себе местечко возле машины «скорой».

Своего доброго друга она здесь пока не углядела.

Плохо. Очень плохо...

Без покровителя она рисковала быть выдворенной отсюда вместе с остальными зеваками. Варвара Сергеевна надеялась, что при помощи своего невозмутимого остренького личика и строгого серого плаща она сможет спасти ситуацию, ведь было дело — помогало. Но, оценив обстановку, она сообразила, что лучше прямо сейчас заручиться хоть каким-то союзником.

Обернувшись, Самоварова обнаружила, что за спиной у нее оказался тот самый возрастной эксперт по международным отношениям.

— Говорят, — доверительно шепнула ему Варвара Сергеевна, — если, конечно, я верно расслышала, этот иностранец — принц африканский...

Майор снова показался в дверях, стер со лба пот, устал выдохнул и свирепо прокричал в мегафон:

— Граждане! Не мешайте работать! Покиньте площадку!

— Не каждый день такое увидишь, — продолжала, не дождавшись никакой реакции, Варвара Сергеевна. — А может, чуть-чуть похулиганим?

— Хм! — наконец произнес «эксперт». — А я подумал, вы тоже при исполнении!

— Ну как сказать... Что, испугались?

— А чего мне бояться? — не понял собеседник, на всякий случай немного попятившись назад.

— Сейчас их вынесут... Если вы легонько меня подтолкнете, я, возможно, успею разглядеть, принц это какой или брешут...

— Господи помилуй! Надо же такое придумать! — не поддержал он ее порыва.

Ответить Самоварова не успела — из здания вывалила целая толпа полицейских. Зная, что народ не так просто разогнать, полицейские принялись, толкаясь спинами, отгеснять людей подальше от белой ленты.

Майору позвонили на мобильный.

— Да! — рявкнул он в трубку. — Так и есть, уже увозим!

— Ну же, не подкачайте! — сделав вид, будто они обо всем договорились, бросила через плечо Самоварова

и, вжав голову в плечи, с сосредоточенным выражением лица принялась чертить на бумаге какие-то круги.

— Вы что же думаете... — начал за спиной мужчина, но договорить не успел: из дверей показались санитары с носилками. Оглушил своим мегафоном майор, полицейские потеснили толпу, отжимая ее назад. Вскоре носилки поравнялись с тем местом, где, едва удерживая равновесие, стояла Самоварова, которая уже нащупала ногой ступню соседа. Недолго думая, она что было силы воткнула в нее свой каблучок.

— Ептыть! — Мужчина рефлекторно двинул ей в спину кулаком, и она, теряя равновесие, упала грудью на белую, с пятнами крови, простыню, прикрывавшую чье-то крупное тело.

* * *

— Варвара Сергеевна, голубушка, что ты за шапито-то здесь устроила, а?!

Полковник Никитин, большой, сутулый, чем-то похожий на медвежонка коалу, раздувшегося до невероятных размеров, раздраженно топтался на одном месте. Взгляд его, мониторивший обстановку вокруг, время от времени тяжело опускался на Самоварову, сидевшую в кресле в маленьком вестибюле отеля.

Отделение полиции, которым командовал полковник, слыло в городе «интеллектуальным». Там всегда обходились без побоев, дешевых угроз и прочего беспредела. Не раз он уже нарывался на неприятности, которые неминуемо должны были привести к отстранению от занимаемой должности, но чья-то таинственная и сильная рука, уважающая истинный правопорядок, в последний момент его спасала, и даже самые серьезные недруги на какое-то время оставляли полковника в покое.

Самоварова, прикрыв рот рукой, все еще едва сдерживала рвотные позывы. Выбранный ею неизвестный «союзник» (будь он неладен!) толкнул ее в спину с такой силой, что вместо задуманного «рассмотреть поближе», она на несколько жутких секунд оказалась лежащей на трупе.

Пытаясь на что-то переключиться, Самоварова рассматривала ботинки полковника.

«Модель все та же, классическая... Добротные, но поношенные, себя не балует, а *ей*-то, поди, уже не одну шубу с тех пор купил!»

Лет пятнадцать тому назад почти такие его ботинки иногда стояли в коридоре ее квартиры, и у нее прыгало сердце от страха, что Аня, тогда студентка, может неожиданно нагрянуть домой.

— Варя, — понизив голос, окликнул ее полковник. — Варя!

Никитин снова осмотрелся: в отеле стало потише, но он по-прежнему гудел, как разворошенный улей. По холлу быстро сновали полицейские, которые уже завершили все необходимые процедуры.

Он наклонился к ней совсем близко, и к его укоризненному взгляду примешалась искренняя жалость:

— Варя, милая, из-за тебя у меня могут быть серьезные неприятности, хоть это-то ты понимаешь?!

— Сереж, не прессиуй меня! Я и так в себя прийти не могу!

— Черт подери... Варя, соберись наконец! Сама хрен знает во что вляпалась и меня еще так по-дурачки представляешь!

— Вот интересно, перед кем?

Варвара снова вспомнила про *нее*, такую чужую и такую близкую, с которой однажды случайно столкнулась в коридоре отделения... Или не случайно... И еще вспомнился запах их дома, исходивший от его отутюженных рубашек.

— Ты вообще представляешь, что я не имею права тебя сюда пускать...

Собрав волю в кулак, Самоварова привстала.

— Так, Никитин, — заговорила она вполголоса, — ты зачем сейчас комедию ломаешь? Меня тут и так все знают... Ну или почти все.

— Я сообщил тебе, да, но можно же было и без этого представления обойтись! Еще мужика за собой какого-то чокнутого потянула! Он потом в раж вошел, к понятиям полез с расспросами!

Самоварова нервно усмехнулась:

— Просто я ему сказала, что под простыней принц лежит, вот он и не сдержал любопытства!

— Он не только любопытства, судя по твоему полету, он еще и силы не сдержал! Хотя уж я-то знаю, как ты можешь достать человека. Варвара Сергеевна, может, хватит, а? Я все твои прихваты знаю наизусть! Лучше бы ты актрисой стала! Принц, ага. Латиноамериканский Казанова.

— Я не собиралась на него падать! Я просто хотела поближе рассмотреть... Мне надо было подышать с ним одним воздухом.

— За столько лет работы я до сих пор к трупам не привыкну, а ты — «подышать одним воздухом»... Что же ты тогда и к бабе не полезла, ее же следом выносили?

— Сереж, ну прекрати ты... Меня только отпустило...

— Ладно, прости.

— И потом: баба вторична, ты же сам знаешь...

— Да неужели?

— Это же мир мужчин, по крайней мере вы сами так думаете. Видишь, у вас даже есть преимущество в том, кого первым вынесут с ложа любви. Ну что, может, пойдем на место?

Полковник вздохнул и жестом пропустил даму вперед, прикрывая ее хрупкую, уже немного сухонькую фигурку от своих коллег, словно заранее отгораживаясь от их докучливых вопросов.

Варвара Сергеевна чувствовала у себя за спиной его дыхание. Показалось, наверное, но в этом дыхании она как будто ощутила последние флюиды его былой силы и нежности.

* * *

У любви и у секса разный запах.

Чувство как будто извиняет естественное стремление плоти. словно невидимые, плетущие кружево чувств существа сторожат где-то рядом и растворяют все неприглядное в многозначительных паузах, в долгих, прощающих наперед взглядах и, пропуская через кружево,

очищают — до того воспоминания, где колотятся в неизбыточном волнении сердца и связываются цепкими узелками беззащитные души.

Секс же, напротив, выставляет все напоказ.

Здесь пахло сексом.

Скорым, жадным, нечестным.

— Так, — буркнул Никитин, нажав на мобильном «отбой», — плохо дело, личность убитой только что установили.

— Проститутка? — оживилась Самоварова. — Или что-то в этом роде?

— Да хуже, еперный театр! Жена одного богатого чела. Не настолько известного, чтобы это попало на страницы желтой прессы, но... Как бы еще мешать не начал нам этот умник!

Через несколько минут после того, как полковник на свой страх и риск привел Самоварову на место преступления, группа умаявшихся полицейских наконец завершила свою работу.

Угрюмые ребятки пошелестели бумагами, защелкнули чемоданчики и, обдав подругу полковника вопросительно-безразличными взглядами, покинули помещение.

— Ну что ж, это не он...

Убедившись, что в номере, кроме них двоих, никого не осталось, Варвара Сергеевна попросила полковника закрыть дверь. Она присела в единственное в этой крошечной комнате кресло и прикрыла глаза.

— Варь, тебе все еще плохо? Зачем тогда пошла сюда?

— Уже лучше. Я просто думаю, — не открывая глаз, процедила Самоварова.

— Думает она... Елки-палки, Варя! Ты еще в транс здесь войди, как в «Битве экстрасенсов»!

— Друг мой, я уже несколько часов в транс...

— Не я один это заметил... И почему ты так уверена, что это не он? Ты кого, мужа имеешь в виду?

— Разумеется!.. Этому человеку не было никакой нужды их убивать. Ему, скорее, все это было даже удобно.

— Почему же? — не сдержал усмешки полковник. — Валий, Агата Кристи!

— Потому что я это вижу. И ты сам, Никитин, тоже это видишь.

— Ну да, ну да... Их даже для отвода глаз не обокрали. Ничего не пропало, шторы до конца не задернуты, и лишних отпечатков мы не найдем. Наслаждались скверным шампанским только покойники, а тот, кому все это не понравилось, ничего здесь не трогал.

— Или не трогала.

— Ты считаешь, что убийца — она?

— Уверена.

— Хм... Допустим...

Полковник брезгливо приподнял край одеяла и посмотрел на кровать так удивленно и задумчиво, будто вовсе не он провел здесь все утро. Преодолевая отвращение, присел на уголок.

— Варя, как ты это научилась делать?

— Что?

— Ну что... Ты еще два дня назад скинула мне эсэмэску: «Как случится — сигнал!». Откуда ты могла знать?

— Сережа, — Самоварова открыла глаза и принялась разглядывать его руки, которые он неловко пытался приладить у себя на коленях, — Сережа, с тех пор как я... С тех пор как я решила, что буду одна, я изучаю только природу человеческих эмоций...

— Но не ты все всегда решаешь, Варь! Решает она! До-решалась уже сама знаешь до чего! И... ты же дома сидишь.

— Нет. Я почти каждый день выхожу, когда дочь уходит на работу.

— Что, до сих пор не выпускает?

— Само собой.

У полковника были розоватые толстые пальцы с коротко остриженными ногтями. Все тридцать с лишним лет, что Варвара была с ним знакома, этими самыми руками он каждый день обнимал ее, ту женщину в пальто с лисьим воротником.

— И куда же ты ходишь?

— Гуляю по городу... Сажу в кафе, смотрю на людей. Сажу в соцсетях и постоянно изучаю.

— Что?

— То, что на самом деле движет людьми.

— Алчность, похоть, что еще может ими двигать?

— Ты не любишь людей, Никитин! Да не смотри ты так, я же не осуждаю... Я их тоже не особо люблю, только мне они до сих пор интересны. Учебников по моим наблюдениям никто, конечно, не напишет — просто потому, что это скорее ощущения, чем знания... Интуиция. Когда стоишь одной ногой в густом тумане и не знаешь, на какой ты части моста и как сюда попала, да и мост ли это, понимаешь, что только это главное — то, что недоказуемо. Я бы не стала сводить все это к простым определениям, все гораздо тоньше, Никитин...

— О как, мост... Про лес я слышал, хотя лично мне ближе поезд, — сощурился на нее полковник, и было неясно, ехидничает он или говорит на полном серьезе.

Видимо, он хотел добавить что-то еще, но вместо этого вдруг накрыл своей лапой хрупкую, с изумительно длинными пальцами руку Варвары Сергеевны.

«Пальчики-свирельки» — так он называл их, держа в своих могучих лапах и перецеловывая каждый...

В какую-то неверную секунду Самоваровой показалось — сейчас опять начнется.

Так было уже не раз: она гнала его в мыслях, обдавала холодом и молчанием на службе, но все начиналось по новой, их снова сводило, крутило, лихорадило... И все повторялось до тех пор, пока она не увидела ту, о которой знала всегда.

Но знать — одно, увидеть — другое.

Не то чтобы «на чужом несчастье счастья не построишь», нет... Просто ей стало невыносимо жаль Никитина, она не захотела перемалывать сильного, цельного мужика мучительными для него сомнениями.

— А знаешь, иногда мне жаль... — прервал молчание Никитин.

«Что ты не остался со мной, — мысленно закончила за него фразу Самоварова и тут же возразила: — И хорошо, что не остался! Сырников горячих у тебя бы по утрам

не было, и полковника бы тебе не дали. Для тебя же все просто, здесь — убийство, там — сырники».

— ...Что я не могу официально вернуть тебя на службу.

— Брось, Сереж... Ты и так делаешь многое. Ты делаешь для меня самое главное!

— Что?

— Подпитываешь мое любопытство... Сдохнуть мне не даешь, вот что!

Самоварова отдернула руку и стряхнула со лба налипшую прядь волос.

Минутное наваждение исчезло.

Да это же просто смешно!

Они оба гомерически смешны, всласть нахохотаться над ними беззубой прачке из странного сна.

Два изношенных, с кучей болячек, заточенных в свои вековые страхи тела.

Да, Никитин старше ее только на пару лет, может, он еще и пыжится иногда, но все равно: два инсульта и вся жизнь на износ.

Какой же у них странный возраст: с одним, самым главным — еще рано, с другим, самым главным — уже поздно.

В дверь сердито постучали.

— Сейчас! Я же просил оставить меня на десять минут с консультантом!

Никитин быстро встал, поправил китель и уже совершенно другим голосом отчеканил:

— Это мир женщин, Варя. Ты ошиблась. Сама сказала, что убийца не он, а она. Вот и ищи ее! Вставай, дорогая моя, нам давно пора на выход! А то я им и так черт знает что про тебя плету!

* * *

Когда Самоварова вышла из отеля, машины уже разъехались, да и народ разошелся, но над всей прилегающей к зданию территорией еще висело густое облако произошедшей беды.

И кто-то из местных пропустит сегодня вечернее шоу: есть реальная тема, которую можно обсудить с родными и соседями.

— Пойдите!

Варвара Сергеевна обернулась.

Тот самый, пострадавший от ее каблучка мужчина (хотя кто тут на самом деле пострадал!) поднялся с лавочки и решительно направился к ней.

— Я что сказать-то хотел...

— Да?

Он как-то слишком внимательно, даже пристально ее разглядывал.

«Черт, может, узнал?!»

Пару раз в своей жизни она нарывалась в городе на людей, чьи дела когда-то вела.

Даже спустя годы они ее, конечно, узнавали.

Нет, они не подходили, только смотрели...

Но сколько яда было в этом взгляде!

Этого чудака она не знала, память-то у нее феноменальная, несмотря ни на что.

— Я вот ждал вас, хотел извиниться. Я удержать вас пытался, но вы так стремительно рухнули...

Полковник Никитин все еще оставался в здании отеля. Варваре Сергеевне померещилось, что он смотрел сейчас на нее из окна. Ничего не ответив незнакомцу, она прибавила шагу.

— Пойдите! Да погодите вы две минуты!

Самоварова прошла через прохладную темную арку длинного жилого дома и вышла на залитый солнцем широкий проспект. Незнакомец, слегка прихрамывая, не отставал.

— Ну чего вы хотите?! — выдохнула Варвара Сергеевна. — Извинились — принято! Я тоже хотела извиниться, но вот передумала. Прощайте!

Здесь было оживленно, и она могла не опасаться того, что Никитин выйдет следом и снова увидит ее с этим чокнутым: полковника поджидала служебная машина, а машина проехать через арку не могла.

— Знаете, я... узнать хотел про принца. Вы, как я понял, все-таки должностное лицо...

— Не совсем.

От голода у Самоваровой уже урчало в животе. В полукилометре отсюда, в недорогом студенческом кафе был бесплатный доступ в интернет и водянистый кофейный напиток, а совсем близко, буквально в ста метрах, готовили прекрасный кофе, но дорого — ей не по карману.

— Интересная вы женщина! Подразнили, даже нанесли легкое увечье, а теперь делаете вид, что меня тут и не было!

Варвара Сергеевна все-таки притормозила и, всем своим видом демонстрируя, что делает большое одолжение, оглядела упорного незнакомца, будто в самом деле только что увидела. Начала, естественно, с ботинок. Ничего особенного, хотя и не из дешевых. А как не по-современному блестят! Подобные замашки встречаются только у военных. С учетом стрелки на брюках это педант и наверняка зануда. Рубашка, судя по воротничку, куплена не вчера, зато в приличном магазине. Ну и льняной пиджак — из той же серии. Холост: вряд ли с таким женщина уживется. Небось все всегда утюжит: и белье, и полотенца... Интересно, какой у него утюг?..

— Если есть что сказать по существу, то я вас слушаю! — казенным голосом брякнула Самоварова.

Как же ей хотелось поскорее от всех отделаться и побыть наедине со своими мыслями! И еще ей казалось, что она вся пропиталась запахами гостиничного номера, и от одной этой мысли ее мутило.

— Нечего мне сказать по существу. Сын с утра вышел с собакой, потом звонит, говорит, убили здесь ночью кого-то... У нас как раз окна выходят на этот отель... Не знаю, с чего меня туда понесло...

— Ясно. Если бы при вас убивали-резали, вы бы только на все замки заперлись, верно? А когда все уже случилось и полиция приехала, чего бы не посмотреть, — бросила через плечо Варвара Сергеевна.

— Ну зачем вы так? — обиделся мужчина. — Я, между прочим, пограничник бывший...

— М-да... По жизни или по армии?

— По армии.

— Угу... А работаете кем?

— Это не имеет отношения к существу дела.

— Приношу свои извинения за произошедшее, но я очень тороплюсь. В любом случае никакой новой информации вы от меня не получите. Если вам так удобнее, считайте, что я при исполнении!

— Да вы просто дура — к Фрейду не ходи! Сразу видно, что с людьми общаетесь только по необходимости и только в публичных местах!

Самоварова вспыхнула, отвернулась от грубияна и снова ускорила шаг. Она уже твердо решила идти в дорогое кафе. Да, она дура и есть, и на хорошую колбасу ей до пенсии уже не хватит, но ничего, здоровее будет. И Аньку не стоит подкармливать, без того жиреет как на дрожжах.

Варвара Сергеевна уже предвкушала вкус и аромат настоящего, хорошо сваренного кофе, и от удовольствия у нее закружилась голова. Осталось сделать выбор между тугим двойным эспрессо и жидковатым капучино, но зато со сливочной шапкой, посыпанной крошками настоящего горького шоколада.

И еще что-то надо съесть. Совсем немного, а то потом денег на хлеб с маслом не останется.

Пусть будет маленький эклер.

Шоколадный или ванильный? А может, с фисташковым кремом?

Утром Галина приняла для себя два окончательных решения.

Первое заключалось в том, что, несмотря на страхи матери и бабки (да что душой кривить — прежде всего на свои собственные!), она разведется.

Второе решение вытекало из первого: она больше никогда не ляжет в одну постель с мужем.

Он сидел сейчас напротив и со страдальческим выражением на красивом даже с похмелья лице вяло ковырял в тарелке комковатую кашу.

Это было невыносимо.

Поджав тонкие губы, Галина делала вид, будто в упор его не замечает. Быстро проглотив несколько ложек безвкусной каши, она встала и переместила в мойку только одну тарелку — свою. Не отрывая от нее умоляющего взгляда, он едва слышно испросил себе еще кофе.

Галина равнодушно пожала плечами и поставила перед ним фарфоровую — на белом фоне синие цветы — чашку, его любимую, единственную оставшуюся от давно разбитого сервиза, подаренного им на свадьбу.

Муж сделал неловкую попытку схватить ее за руку и уже приготовил для поцелуя, сложив их в трубочку, свои чувственные и всегда влажные губы.

Но Галина резко отдернула руку.

Кроме жалости и брезгливости, этот человек не вызывал в ней больше никаких эмоций, и на сей раз это была не игра.

Выходя из кухни, Галина все же бросила на него короткий, воспаленный взгляд.

Год назад она еще любила его, своего законного мужа и отца единственной дочери.

Пять лет назад она любила его безумно.

А пятнадцать лет назад, когда выходила замуж, она мечтала о том, чтобы красиво состариться рядом с этим человеком и как-то так устроить, чтобы взять и умереть с ним в один день.

Мать, в прошлом посредственная актриска одного известного театра, всегда называла его Родик.

И все остальные, включая мать Галины и бабуку, называли его только так.

Только дочь называла Родиона папой.

Конечно, девочка любила его, но дети на то и дети, чтобы любить любых родителей.

Галину дочь любила гораздо сильнее, ведь это именно она придумывала для нее развлечения, именно она рисовала и клеила по ночам стенгазету в школу, лечила дочь от болезней, наряжалась плюшевым зайчиком на дни рождения, читала вслух добрые книги и годами оправдывала ее отца, пропахшего вином и до полудня храпевшего в спальне: «Устал наш папа на работе, ты только не шуми, доча!»

Пока Галина закрывала за собой входную дверь, ей внезапно пришла в голову мысль, что, если вечером проведать бабуку, стащить у нее сильнодействующее снотворное и выпить всю пачку разом, со всем этим может быть покончено навсегда.

Вот так — красиво и драматично.

Почти что «умереть с ним в один день».

Зато она никогда уже не превратится в свою желчную мать или, чего похуже, в бабуку, которая искренне верит, что ниточка настоящего жемчуга способна украсить дряблую шею одинокой старой черепахи.

Спускаясь в лифте, Галина уже сомневалась: и в школу на собрание просили подойти, и новые поступления в любимый интернет-бутик на днях обещали.

Она решила, что отпустит на время свой страшный порыв, а ближе к вечеру попробует определиться.

На улице хохотал апрель.

Вчерашние бесформенные угги уже пылились в прихожих, и худые, длинные, подкачанные и не очень, полноватые, приятных форм, с острыми и круглыми колесками, десятки, сотни, тысячи пар бесстыжих ножек выпорхнули на улицы, чтобы не сегодня завтра занять достойное место в красивых полированных машинах или, на крайний случай, — в недорогих кафешках, где кто-то непременно заплатит за съеденный их обладательницей размороженный ужин.

Галина давно платила за себя сама.

И за свою дочь.

А еще за мать и бабушку.

С мужем вопрос обстоял сложнее: формально Родя все еще числился директором заведения, в котором они оба работали, и выходит, что деньги она получала благодаря ему, но только платила за него тоже она.

У Галины были самые красивые ноги в этом городе.

Настоящие модельные ноги.

Только выгодно их представить она не умела. И покупала-то, казалось бы, все самое-самое, и шла на вечеринку как королева, вот только потом, разглядывая себя на фото, с досадой видела: куда там королева — обычная долговязая нескладеха...

Она всегда была самой высокой, и в школе, и в летнем лагере, и в балетном классе.

«На первый-второй рассчитайсь!»

И все внимание к ней, вечно первой в строю. Детская гадкая привычка сутулиться приросла к ней намертво, а после беременности, добавившей несколько лишних килограммов, еще заметнее портила некогда идеальную фигуру с профессионально вывернутыми стопами сорокового размера.

Нахальный молодой ветер закружил сухой, уцелевший с осени лист, прилепил Галине на кроссовки.

Все — неправда!

Вся жизнь — неправда.

Словно она просто отыграла свою роль в фильме про семью и счастье, а теперь ее поблагодарили и попросили покинуть съёмочную площадку.

И в этом апреле ее уже нет...

Радостный, будоражащий, он пришел в этот город для других.

Например, для этой носатой, с некрасивыми ногами и в лабутенах, что, посверкивая маникюром со стразами, садится сейчас в машину, или для той дуры с плохо прокрашенными, наспех завитыми кудрями, что бежит к автобусной остановке, чему-то улыбаясь на ходу, или для тех гуттаперчевых «мочалок», с которыми Родик зажигал сегодня до пяти утра...

Скоро кто-то из них получит роль в пошлейшей оперетке с отвратительным названием «Мадмуазель Бутон», и будет литься рекой шампанское, и будут гоготать все эти колхозные, понаехавшие молодые бабы, словно смеясь над ней, успешной женщиной, матерью и женой, а заодно (и даже не подозревая об этом!) и над ее матерью и бабкой, разведенками, поднявшими детей без отцов.

Младшая сестра Галины, Ольга, пять лет назад окончила престижный вуз и теперь раскатывала по границам в поисках счастья.

Когда-то сестра была для нее самым близким человеком. Но после того как Галина встретила Родиона и стремительно вышла замуж, Ольга от нее отдалилась, а потом и вовсе уехала.

Сев в машину, Галина бросила взгляд на часы и повернула ключ в замке зажигания. С учетом успевших скопиться к этому часу пробок она уже заметно опаздывала.

Пунктуальная Галина не выносила нарушения порядка, особенно на службе, и раздражение уже переполняло ее до краев.

Припаркованная впереди машина прижалась к ней впритык, назад тоже сдавать было некуда: в нескольких сантиметрах от заднего бампера торчали два свежескрашенных железных столбика с цепью посредине.

Идиоты! Наставят ограничителей, причем незаконно, и руки не доходят что-то с этим сделать!

Как и у большинства женщин, у нее возникали сложности при парковке, и подобные ситуации ее выводили из себя. Выворачивая руль то вправо, то влево и одновременно пытаясь выскользнуть из ловушки, вскоре Галина услышала мерзкий скрежет. Выскочив из машины, она обнаружила, что наехала на эти чертовы столбики. Ядовитая зеленая краска оставила заметный след на ее белой, только вчера вымытой «Тойоте».

Все одно к одному!

По тротуару шла семья: папа, мама и малышка в легкой шапочке с огромными розовыми помпонами. Галина чуть было не попросила у них о помощи, тем более что у отца семейства было такое открытое и доброе лицо, но тут же почувствовала, что гордость не позволит ей принять ничьей помощи, ни даже сочувствия.

Слезы, не спросясь, застелили глаза, руки, вцепившись в руль, не давали сдвинуться с места, сухой язык прирос к нёбу.

«Ничего... Я сама, сама...»

Галина обернулась на счастливую семью, уплывавшую вдаль, отчаянно не понимая, как же ей жить дальше.

Выходит, ради доченьки она просто обязана продолжить свое существование рядом с предателем.

Нет, он предал не Любовь, ведь Любовь — это что-то абстрактное и сложно объяснимое...

Родик предал другое: ее заботливые руки у него на лбу, когда он валялся в больнице с зашитым после аппендицита брюхом; выложенные ею фотографии на страничке в соцсети, на каждой из которых они — образцово-показательная пара; ее преданность в работе и личной жизни; ее счастливый смех под бой новогодних курантов и... давно остывшие блюда на плите, не потраченные на

себя ее собственные деньги, не купленные и не подаренные им цветы...

Мать на днях сказала: «Потерпи, куда тебе метаться? Он говно, я это тебе всегда говорила — но все они таковы!»

Бабуля же прямо спросила, сколько она зарабатывает, и уточнила, будет ли у нее возможность после развода остаться бухгалтером в клубе.

Да, бабуля...

Будучи хореографом, она в начале девяностых держала точку китайского ширпотреба на большой крытой толкучке: жить-то как-то надо было...

А маман так и продолжала служить за копейки в своем скучнейшем институте статистики, с оскорбленным видом принимая бабушкины подачки на платья, сласти и дополнительное образование для девочек.

Мать часто упрекала Галину в том, что она унаследовала бабкин характер: до тошноты прямой и честный, не терпящий неопределенности.

Но где же ее честность, где?!

Уже год, как она точно *знала*, что живет во лжи.

Уже несколько лет, как она *догадывалась* об этом.

И продолжала обманываться и обманывать окружающих, а те лишь потворствовали этой лжи и двулично донимали своими приторными тостами: «За образцовую семью!»

Если бы Родион хотя бы имел достаточно ума, чтобы скрывать свои пороки!

Так и протянули бы еще лет десять-двадцать, а то и до красивой старости бы весь этот паровоз дотащили...

Так нет!

Он, гнида эгоистичная, даже не удосуживался прятать от нее свои грешки...

* * *

Ночной клуб, где работали Галина и ее муж, когда-то стремился составить конкуренцию знаменитому на весь город «Казанове», однако владельцы, которых Галина никогда не видела, а только знала по именам-отчествам, решили поступить иначе.

Клуб занял другую нишу: неплохого заведения для мужчин среднего класса, с оперетками, в пять раз завышенными ценами на еду и алкоголь и полуголыми девками со всех концов бывшего Союза.

Галина занималась официальной бухгалтерией клуба, настоящего же бухгалтера, полного, похожего на раздутую жабу, с пигментными пятнами на руках, водянистыми «базедочными» глазами и с такой дикцией, будто он только что закусил, но не проглотил, за пять лет работы Галина видела лишь несколько раз.

Соломон Аркадьевич, всем своим видом демонстрируя глубочайшее к ней уважение, иногда заходил в ее кабинет, чтобы изучить годовые отчеты.

Родя знал про истинное положение дел клуба куда больше, чем Галина, но, бывало, разоткровенничавшись, сам себя обрывал, приговаривая: «Меньше будешь знать — лучше будешь спать!»

Галина же, с ее трезвым, практичным умом, понимала: добром это не кончится, ведь возможность до отказа набивать холодильник, регулярно менять престижные марки автомобилей и многое-многое другое им с мужем давалась только благодаря чужим порокам.

Как это часто бывает, когда честные люди привыкают к хорошим деньгам, она быстро предложила своей совести заткнуться.

Мать и бабушку от этого знания она оберегала как могла: работаем, мол, в клубе, с артистами, а там всяко бывает... Потому и допоздна. Потому и выпивает Родька, что не может не выпить — это же его работа.

Как давно алчный дьявол пожрал практически все?

И остался у них в доме один похмельный, воспаленный нерв.

В ее тепер уже редких слияниях с мужем не было и намека на былую нежность, только привычка, только повинность.

Сегодня, проснувшись одна в супружеской спальне (когда Родя, как блудливая собака, приходил под утро,

он падал одетым на диван в гостиной), она вдруг подумала о том, что забыла, как пахнет мимоза.

И близкие слезы тут же навернулись на глаза.

Многие, может, думают, что на Восьмое марта она завалена цветами (еще бы, такой импозантный муж, который постит такие пронзительные цитаты на своей страничке в соцсети!), а она, проходя мимо цветочных магазинчиков, фотографировала ничейные букеты, чтобы повесить эти фото на свою страничку в соцсеть...

Да, через три дня после праздника он, лишь для вида виноватый, глядя на нее злыми, пустыми глазами, подарил ей туфли, которые она сама себе купила, то есть просто вернул ей деньги за эту покупку — с таким видом, будто отдал последнее.

Невозможно! Не-воз-можно больше!

Назад хода нет...

Пускай уматывает к своей мамашке, к бабам, к черту лысому, куда угодно!

Галина толкнула перед собой тяжеленную дверь.

В холле клуба (несмотря на то что после ночных гостей к ее приходу на службу уборка должна была быть давно завершена) всегда витал специфический запах.

Это была смесь мужского и женского парфюма, пота, табака, алкоголя, жирной и вредной еды и еще чего-то гадкого, интимного.

И этим же пах ее муж.

Он пах ее несчастьем.

А щечки их двенадцатилетней дочери все еще пахли чистотой.

В клубе Галина старалась ни с кем особо не общаться.

Приходила, перебрасывалась парочкой дежурных фраз с охраной и уборщицами и закрывалась у себя в кабинетике, лишь бы не видеть ненавистные павлиньи пачки танцовщиц, которые таджики чуть ли не каждый божий день таскали по коридорам из химчистки и обратно.

Галина не думала, она знала, что лучше всех этих девок.

Лучше по всем параметрам, и тем более как танцовщица, имевшая за плечами настоящее балетное образование.

Но от этих мыслей ей становилось еще больше, и еще больше росло в ней негодование в адрес матери и бабушки, которые (такие умные!) проглядели подлую сущность Родиона, не смогли ее, восемнадцатилетнюю дурочку, уберечь от этого гнилого человека.

Галина включила комп, зашла в программу и попыталась сосредоточиться на цифрах, еще вчера привычных и понятных, а сейчас совершенно бессмысленных.

Профессия бухгалтера прилипла к ней почти случайно. Работу свою она никогда не любила, а эта нелюбовь порождала в ней чувство вины — и маниакальное стремление держать дела в порядке.

Галину ценили.

Галину уважали.

И даже те, на кого работал Соломон Аркадьевич, никогда не имели к ней вопросов.

Зато совсем скоро она сама задаст им один вопрос, по поводу Родиона.

А что?

Подло, да?!

Нет, не подло. Она все уже решила, и теперь ей необходимо просто выжить. Она обязана обеспечивать дочь, поддерживать мать и бабушку, а для морали здесь места нет.

В любимую соцсеть пришло сообщение.

Разуваев, бывший одноклассник, организовывал встречу выпускников.

«Галчонок, как ты? Отказ не принимается! Почти всех удалось раскачать. В следующую субботу в шесть в наших «Трех пескарях» — прикинь, они еще живы! Взнос пять тысяч. Если что — набери меня».

И куча скобочек-смайликов после каждого предложения.

Детский сад, ей-богу!

Ох, Разуваев...

Худой, как Кощей, дерзкий, с изящным скульптурным профилем, к тому же выходец из дипломатической семьи.

И ведь ничего у них толком не получилось...

Галина закрыла программу (тупо пялиться в цифры было сейчас бесполезно) и откинулась на спинку кресла.

Почему же у них с Максом тогда не сложилось?

Наверное, потому, что он хотел не только с ней, он вообще хотел, этот семнадцатилетний жеребец, тайком от отца катавший всех желающих на темно-синем спортивном «Мерседесе». Они пили гадкую дешевую водку, курили такие же гадкие, от которых долго першило в горле, сигареты, но от Разуваева, единственного из парней, пахло дорогим папиным одеколоном и вообще — другой жизнью!

Он ей более чем нравился, и она мечтала о том, как все у них красиво сложится, мечтала, что он наконец-то начнет за ней по-настоящему ухаживать, что будут поцелуи в кустах сирени, долгие многозначительные взгляды на зависть подругам, а может, и маленькие подарки, привезенные его отцом из-за границы, но... «Депеш мод» на всю катушку (проверка нервов у жильцов дипломатического дома), идеально чистая огромная лоджия с одинокой банкой в углу, где плескались в воде груды бычков, заграничная салями в холодильнике, разведенный спирт из тончайших фарфоровых чашек, и всегда рядом — толпа его прихлебателей.

Незадолго до выпускного он переспал с ее подругой.

И та, с утра пораньше (еще не было звонка на первый урок), сидя на подоконнике женского туалета и умело затягиваясь украденным из дома Разуваевых «Мальборо», не скупясь, выдала заинтересованным одноклассникам все пикантные подробности.

«Какая же ты гадина!» — подумала тогда Галина.

Судя по циничным смешкам, которыми она сопровождала свой рассказ, подруга имела достаточный опыт в этом деле.

У Галины же опыта не было.

Конечно, она врала одноклассникам, что и в ее жизни происходит нечто весьма и весьма интересное, придумывала несуществующих ухажеров, курила, чтобы быть как все, и тайком писала стихи, которые посвящала Разуваеву, а точнее — его долгожданному прозрению.

...Года три назад она случайно его встретила в нарядном торговом комплексе в центре города.

Морщины посекали лицо. Хорошего качества пальто явно пережило уже не одну зиму.

Он был искренне рад встрече, восклицал до неприличия громко, обнимал и целовал ее почти непрерывно, и как-то незаметно они переместились в кафе на крышу здания.

Перебивая друг друга, они перескакивали с темы на тему, и разговор у них как будто не прекращался ни на минуту, но Галина сразу почувствовала в этом что-то неестественное.

Украдкой она поглядывала на часы: ей следовало еще забежать в гастроном и приготовить ужин. Каждый вечер, как бы ни была занята на работе, Галина стремилась чем-то побаловать своих: никаких полуфабрикатов, никакой разогретой вчерашней еды.

Но как все это объяснить Максу Разуваеву?

К моменту этой встречи он уже лишился самых громких своих аккордов, но все еще гремел, будоражил, держа в тонкокожей руке Галинину руку, и при этом присвистывал вслед фигуристой официантке.

В какой-то момент, сидя с ним за столиком под стеклянным куполом, она заметила другие часы, под крышей здания напротив: большие, круглые, надменные.

Тик-тик, ходики, улетели годики.

Между ней и Разуваевым, таким своим, таким веселым парнем из юности, была пропасть.

У нее были институт, Родя, дочка, работа, мать с бабушкой, иногда, как яркие вспышки, новые страны и города, бесконечные детские сопли, бессонные, пропахшие перегаром ночи.

А что было у него?

Она не знала...

Но в тот вечер ее это не интересовало, ведь она तोпила домой, укоряя себя за опрометчивое согласие попить кофейку в модном дорогом кафе.

В заведение, будто яхты в порт, поминутно заходили длинноногие развязные девицы, и Макс, как и много лет назад, предавал ее, с неприкрытым интересом разглядывая входящих, разменивая ее внимание на что-то сиюминутное...

...Галина решила забить на отчеты и снова зашла в соцсеть, на страничку к Разуваеву.

Семейное положение — «все сложно».

Ну, это понятно...

Он рассказывал ей тогда, что одна, особо настойчивая, родила от него, но в ЗАГС он с ней не ходил и долго они не прожили, хотя ребенка он признал и помогал, чем мог.

Ну ладно, что дальше?

Из интересов — футбол да пара ссылок на «самые крутые женские попы мира».

Ясно.

Галина вернулась на свою страницу.

Ей стало невыносимо тоскливо.

Она ощутила себя так, будто оказалась в замкнутом круге, из которого нет выхода. И ее заштормило. Качнет вправо — там Родик, гад ползучий, вечно шмыгающий раздраженным от пьянства и курева носом, подолгу занимающий толчок, двуличный, лживый, у всех назанимавший, на людях — денди, а дома — хам трамвайный.

Качнет вперед — там суровые хозяева клуба и Соломона Аркадьевича с холодными стальными глазами и, должно быть, роскошными (а главное — умными) ба-

бами, которые никогда не станут пачкать свои задницы о дешевый велюр этого пошлого заведения.

Качнет влево — там Разуваев, вечный мальчик, изрядно потрепанный жизнью, с брошенным им ребенком от женщины, которая, как многие до нее и после нее, села не на тот поезд.

Ну, куда еще качнуться?

Благородные, воспитанные и бедные интеллигентшилки? Дневные представления бюджетного театра по субботам и три гвоздички в день рождения?

А водилы, а тренера фитнес-клубов? У них там что, «шашлычок под коньячок»?..

Но что же нужно ей? Теперь, к тридцати с тяжеленным хвостиком.

Ничего нового — чтобы любил.

Уважал.

Ценил.

Да нет, это все общие слова...

Галина вдруг почувствовала, что где-то, в самой глубине, словно кто-то отдирает тонкий, маленький, но крепко приросший к ее нутру лоскуток, за которым скрывается правда.

Она зажмурилась и... не позволила.

То, что за ним скрывалось, не имело ничего общего с реалиями ее жизни.

* * *

К концу рабочего дня жизнь Галины окрасилась в совершенно иные тона.

Во-первых, позвонил Родя.

Ей совсем не хотелось слышать этот вкрадчивый лживый голос, и несколько раз она сбрасывала его звонки, но потом вдруг всколыхнулась: «А если что-то с дочкой?» — и ответила мужу.

Муж сообщил ей три вещи.

Начал, само собой, с повинной.

Сказал, что чувствует себя совершенно подавленным и просит прощения за то, что в очередной раз имел глу-

пость так сильно ее расстроить. Затем уточнил, что прямо сейчас пьет с горя «Шприц-апероль» в «Жан-Жак» с господином Курочкиным из налоговой (ну этот-то алкаш и кобель известный!), а третий, последний месседж, он озвучил нарочито спокойным голосом.

Родя сказал, что уходит из клуба.

О причине, которую назвал по телефону (старый друг предложил место управленца в каком-то туманном, но верном, с его слов, проекте), не было смысла думать, поскольку она точно знала, что он врет.

Наиболее же вероятная причина заключалась в том, что его просто попросили уйти. Ну не полные же дураки хозяева этого вертепа!

Сколько ему еще можно здесь пить, жрать и потреблять на халяву танцовщиц? Оперетки, которые он ставил в качестве художественного руководителя, безвкусны даже для такого заведения. Тем более что Родик всегда подворовывал, не по-крупному, но все же... Закупал костюмы для девочек по одной цене, а Галине приходилось оформлять покупку по другой. Ну и еще кое-что, по мелочи...

Но при чем здесь она?!

Правильно, совершенно ни при чем! Ей приносили накладные, она их проверяла, цена в них соответствовала среднерыночной, а уж почему он сторговывал эту дрянь на самом деле, откуда она могла знать?

У нее самой была приличная зарплата, а в банках — куча кредитов, потому что с таким мужем ей все равно никогда не хватало.

У Галины от этой новости словно камень с души свалился. Теперь уже не было необходимости звонить Солмону Аркадьевичу, стучать на Родю.

Теперь ее главной задачей было — остаться в клубе во что бы то ни стало, пока она не выстрадает себе в этом адском городе местечко почище.

На радостях она набрала Разуваева.

— Га-а-аля, моя девочка! Здравствуй-уй, радость!

— Привет-привет!

— Ты не поверишь, когда узнаешь, чем я сейчас занимаюсь!

В этом был весь Разуваев: он отреагировал на звонок так, словно они только вчера расстались.

«Какой же он легкий, приятный парень, а что там у него на дне — какое мне до этого дело!»

Настроение Галины стремительно улучшилось, и она позволила себе нырнуть в эту волну.

— И что же, дорогой? Что ты делаешь?

— Изучаю десятку самых сексуальных ароматов! Один из них, например, пахнет — нет, ты прикинь, — буквально пахнет мокрым мужчиной и мокрой женщиной! Здесь так и написано! Галя, милая, надеюсь, я не оскорбил твои благочестивые ушки?

— И где же это у нас написано? — сделала она вид, будто не расслышала.

— Галочка, в интернете!

— Макс, интернет большой, а поконкретней?

— И интернет большой, и ты у нас, Галка, большая!

Эту колкость она пропустила мимо ушей. Если бы так сказал муж — тарелкой бы ему в лоб запустила, а Разуваеву можно, ведь от одного его голоса с десятков ее лет тот час убежали прочь!

— Галь, ну не важно, в общем... А хочешь, подарю тебе на день рождения «Саломею»? Этот аромат посвящен той самой Саломее, что за свой танец попросила голову Иоанна Крестителя.

— О как! А давай, подари! Ждать-то недолго осталось!

Но Разуваев, очаровательный пустобрех, тут же съехал с темы и переключился на подробности предстоящей встречи выпускников.

Минут через десять Галина уже ощущала себя на восемнадцать (тем более что Разуваев раскритиковал внешний вид практически всех бывших одноклассниц, повстречавшихся ему за то время, что они не виделись).

В конце сумбурной беседы она раза четыре сказала ему «целую».

Нажав отбой, Галина, на какие-то секунды, представила себе, как когда-то она это делала в юности, их двоих, голых и жадных, в одной постели. Прикрыла глаза, сладострастно повела плечами, но быстро встряхнулась: нет, это уже невозможно, между теми и этими фантазиями — почти два десятка лет... Ну да, тогда она сама сглупила, прикрывалась, дура, хорошим воспитанием, а сейчас и тело уже не то, и в мыслях — одни проблемы.

И все же ей очень хотелось пойти на эту встречу!

Самооценку свою за счет тех, кому в жизни меньше повезло, поднять и с Максом повидаться.

Зачем? Да просто чтобы было!

Сколько уже лет она как сжатая пружина, живет одними подсчетами: хватит ли денег, успеет ли дочка в школу, дадут ли матери в поликлинике бесплатный рецепт, повысят ли цены на электричество и не разорится ли банк-кредитор?

Летят дни и годы, народ вокруг напивается, без стеснения предается блюду, тратит в экстазе все до копейки на лучшие шмотки и развлечения, а Галина все думает.

Думает и стареет.

Бесконечно думает о том, о чем пристало думать мужику: что отцу ее, будь он неладен, что мужу, сорняку пустому, да будь проклят!

А ниточка настоящего жемчуга на дряблой бабкиной шее — это что, награда в конце пути?

Да, ее жизненный опыт шептал ей, что Разуваев не лучше остальных, но свой праздник души он готов сейчас разделить именно с ней!

А ей-то, самодостаточной, не старой еще женщине, что теперь может быть нужно от мужика?

Да чтобы хохот до жара в груди, чтобы вино по столу и мимо, чтобы руки жадные на спине и, самое главное, — чтобы получилось хоть раз забыться и не думать, не ду-у-у-мать, черт их всех подери!

Ладно.

Соломону Аркадьевичу по-любому придется позвонить, пора по налогам отчет сдавать. Вот и будет у нее возможность поплакаться, чтобы свое место в клубе сохранить.

Гораздо сложнее было сделать так, чтобы Родя как можно скорее съехал с ее квартиры. Может, чем черт не шутит, какая-нибудь из многочисленных девок приютит его у себя на съемной хате?..

Дочери она сама все объяснит.

Галина расправила затекшее тело, подняла длинную ногу, потянула носочек ступни и поиграла пальчиками.

Получилось красиво, маняще.

Не поедет она к бабке за снотворным, а пойдет в торговый центр покупать красивое платье.

Да здравствует кредитная карта!

* * *

Дымчато-серый апрель, еще без солнца, но с таким ощущением неба, будто солнце на нем давно уже есть, просто, робея перед неизбежной дикостью мая, оно решило ненадолго спрятаться, заставил Галину бежать по улице, на встречу с новым платьем и новой жизнью.

Утреннее решение во что бы то ни стало развестись с мужем к вечеру только укрепилось.

«И что же так резко поменялось?» — спрашивала себя Галина, перепрыгивая, как школьница, через лужи.

Страх отползал, вот что.

А вместе с ним и сомнения.

Сегодня же вечером она придет домой и вытащит из-под кровати этот гадкий сундук, в котором живет ее страх. Сундук с тряпьем, таким привычным, таким уютным, но поднеси ближе — одни дыры да тлен.

Разговор с Разуваевым и новость о том, что Родион уходит из клуба, позволили ей снова ощутить себя цельной, юной и дерзкой.

Как когда-то, слушая только свое неискушенное сердце, она бросилась в этот брак, так и сейчас, восстановив себя, она просто избавится от него.

Работая вместе с мужем, Галина всегда боялась за них двоих, потому что знала: рано или поздно нечистоплотность этого подонка вскроется, созреет конфликт, и ее выкинут на улицу вместе с этим идиотом, которому на все наплевать, кроме собственных сиюминутных желаний.

Нет-нет, она будет вести себя как мудрая мама и не станет настраивать против него дочь.

Если Родька захочет — пусть появляется по выходным.

Может, в зоопарк с ней пойдет...

А она предложит ему взять на себя кредит за их недостроенную квартиру, а ежели он начнет артачиться, прямиком ему скажет, что клубом владеют серьезные люди, а такие люди не любят, когда их обворовывают, пусть и в мелочах.

Варвара Сергеевна проснулась.

Часы показывали начало десятого.

По выработанной годами привычке она всегда просыпалась не позднее восьми. Но после вчерашнего богатого на события дня долго не могла заснуть и в глубокий, без сновидений, сон провалилась только под утро.

— Пресли, подъем!

Обладатель шоколадной шкурки лениво потянулся в изножье кровати и вопросительно уставился на хозяйку: похоже, он был не прочь поспать еще. Нетерпеливая Капа, с ночи поджидая какой-нибудь движухи, ловко приоткрыла дверь в комнату и сидела теперь на пороге.

С кухни доносились обрывки телефонного разговора.

Прежде чем туда зайти, Варвара Сергеевна остановилась в коридоре и прислушалась.

— Да спит она, сейчас будить буду. Таблеточки пьет, я каждый день проверяю! Надеюсь, если и в этом марте обошлось, нам уже можно не беспокоиться. Устойчивая ремиссия, да... Спасибо, Лариса Евгеньевна, что не забываете!

Самоварова пожала плечами и подмигнула Пресли, прилипшему к ее ногам:

— Доказывать что-то совершенно бессмысленно... И что нам остается? Верно, дружок, только хитрить!

— Мама, ты выходила вчера из квартиры? — пытаюсь говорить строгим голосом, обратилась к ней дочь. — Нет, я не к тому, чтобы ты совсем не гуляла, просто не забывай ставить меня в известность!

— Ну... выходила, да. В пекарню выбегала, булочку захотелось, с кремом заварным.

— М-да... А мне почему не купила?

— Так на диете ты, сама сказала, не помнишь?

— Я-то все прекрасно помню! Садись, ешь, таблетки при мне выпьешь, хорошо?

— Погоди, я сначала кошек покормлю.

Жадная до еды Капа в считанные секунды опустошила миску, Пресли же всегда приходилось уговаривать. Пройдя за хозяйкой на кухню, он тут же запрыгнул на холодильник и теперь внимательно наблюдал оттуда за Анькой, словно ожидая очередного действия в нескончаемой пьесе.

— Нет уж, друг! Слезай оттуда! Даю тебе ровно минуту на размышление. Если сейчас же не спрыгнешь — отдаю твою порцию Капе. И я не шучу!

— Мам, да прекрати ты его уламывать, сядь и сама поешь!

Сегодня дочь неожиданно расщедрилась и приготовила жутковатый на вид завтрак: толстенные бутерброды — яйцо и консервированный тунец. Справедливости ради надо отметить, что Самоварова даже на такое была не способна. Пушистых прихвостней накормить — святое дело, ведь эти спиногрызы сами кашеварить вряд ли научатся. Сама же Варвара Сергеевна относилась к еде более чем равнодушно, пока работала — закидывала ее в себя исключительно из-за физиологической потребности организма и, как смеялся Никитин, питалась главным образом кофе да сигаретами. Правда, иногда ей очень хотелось съесть какую-нибудь затейливую сладость, из тех, что продавались в дорогих кондитерских, но подобную роскошь она позволяла себе нечасто.

— Ну как?

— Вкусно, — с трудом проглотила кусок Самоварова.

Такой ломоть был бы в самый раз голодному студенту в походе. Откуда же в ней столько грубости? Самоварова вздохнула, украдкой косясь на дочь.

Под прицелом хищных Капиных глаз Пресли нарочито медленно, словно издеваясь, поедал из миски утреннюю порцию каши.

Дочь подлила себе жидковатого кофейного напитка и подтолкнула по направлению к матери сахарницу и молочник.

— Давай, мам, жуй веселей! А то я твою порцию тоже Капе отдам!

— Ань, я до районной поликлиники сегодня прогуляюсь.

— Это еще зачем? — напряглась Анька.

— Да зуб ночью спать не давал, — не поведя бровью, сочинила Самоварова.

— А... Сливков тогда купи, эти последние. И не туси там долго, а то опять твои нассут куда не надо!

Захлопал холодильник, вскипели бигуди, по телевизору начался очередной идиотский детективный сериал, который дочь упорно включала для нее каждое утро.

От Никитина пришло сообщение: «Набери, как сможешь».

Когда через сорок минут Анька ушла, Варвара Сергеевна наконец-то сварила себе хорошего, крепкого кофе, который дочь ей пить запрещала (давление!), и удобно устроилась в своей комнате в придвинутом к окну кресле.

Она закурила и набрала полковника.

— Запишешь или запомнишь?

— Обижаетесь...

— Ну смотри... Мигель Мендес, 33 года, наполовину кубинец, с двенадцати лет живет в России, работает танцором. Около трех лет назад стал сожителем с некой Галиной Н. Она бухгалтер, имеет дочь от предыдущего брака и годовалого ребенка от этого Мигеля.

— Принято. Про женщину что?

— Валентина Шац. Замужем за топ-менеджером крупной фармацевтической компании, то есть была заму-

жем... Как они это любят, хозяйка салона красоты в центре города. Пятьдесят один год, бабушка по первому ребенку.

— Ух ты! Умеют же жить! Тьфу ты, с языка слетело...

— Да ладно... Горничных и охрану по третьему кругу опросили — никаких зацепок. Охранник тот еще, одно название, фактически консьерж ночной смены, вялый совсем. Вышел, говорит, за ночь пару раз за сигаретами и газировкой. Одним словом, кто угодно мог пройти.

— Ясно. Пойду в Сеть засяду, покопаюсь.

— А что, твоя так и не подключает интернет?

— Нет. Ладно, до связи.

— Пока, голубушка. Звони сама!

Варвара Сергеевна раздавила в пепельнице окурок и наскоро занялась кормежкой голубей, для которых у нее был заранее припасен пакетик с хлебными крошками.

Зная, что в доме кошки, прикормленные голуби не осмеливались подлетать прямо к окну и теснились на козырьке подъезда.

Пресли и Капа тут же запрыгнули на подоконник, прильнули к рукам хозяйки и, осторожно высунув мордочки наружу, стали внимательно наблюдать, как стая грязных птиц пытается поймать клювами хлебный снежок.

На плутовских кошачьих мордах застыло высокомерное выражение.

— Все, финита ля комедия! — и Варвара Сергеевна хлопнула окно.

Через час ей следовало быть в районной поликлинике, на приеме у психиатра.

* * *

— Проходите, не стойте в дверях!

Районный психиатр Валерий Павлович И. пытался, не вставая с кресла, собрать что-то, рассыпанное по полу.

— Добрый день!

— Добрый! — отозвалась из-под стола его неестественно выгнутая спина в белом халате.

«Что у него там, бисер?» — усмехнулась Самоварова, вспомнив Ларису Евгеньевну, милейшую пятидесятилетнюю брюнетку из ведомственной поликлиники, являвшую собой наглядный пример как минимум парочки симптомов тех заболеваний, которые она с воодушевлением диагностировала у пациентов.

Варвара Сергеевна осмотрелась: белые пластмассовые жалюзи на окне, одинокий кактус на чистом подоконнике, глухой шкафчик в углу, стол с допотопным компьютером и жидкой кучкой бумаг. Пахло тоской.

Она прошла к столу и нерешительно присела на краешек свободного кресла.

— Я вас слушаю. — Из-под стола вынырнула седая, коротко стриженная голова, расправились плечи, из-под врачебного халата полыхнул бордовым галстук и... Самоварова потеряла дар речи.

В левой горсти психиатр, вчерашний пострадавший от ее каблучка мужчина, держал собранные с пола сигареты, половина которых была сломана пополам.

Он быстро сунул в ящик стола сигареты, удивленно глянул на нее сквозь очки и тут же полез в компьютер.

— Курить пытаюсь бросить таким оригинальным способом, — пытаясь скрыть то ли смущение, то ли раздражение, скороговоркой произнес он. — Если интересно, расскажу. Варвара Сергеевна, да? А я ведь не сомневался, что мы еще встретимся, просто не предполагал, что здесь.

— О боже... Какое дурацкое совпадение! Знаете, я лучше пойду перезапишусь к вашему коллеге.

— Ну зачем так? Кстати, очень рад вас видеть! Вы все-таки расскажите, с чем пришли. Раз пришли, значит, вас что-то беспокоит?

Он явно нервничал.

«Какая прелесть!»

— Беспокоит... Если честно, я вчера даже думала про вас, точнее, не про вас, а про эту мерзейшую ситуацию, и под конец уже и не знала, плакать мне или смеяться.

— Вы пережили стресс... Вы об этом хотите поговорить? Или про убитых? Но я их не знал...

— Хватит вам ваньку-то валять! А то вы не знаете, что, если следствию было бы необходимо что-то уточнить у вас про убитых, которых, верю, вы не знали, вас бы вызвали в отделение. Глупо как получилось... Пойду я. Хорошего дня!

Варвара Сергеевна привсталала.

— Варвара Сергеевна, сядьте! Вчера, насколько я понял, вы были при исполнении своих служебных обязанностей, а сегодня при исполнении я! Итак, я вас слушаю. Что беспокоит?

— Уже ничего.

Валерий Павлович вздохнул, поправил очки и устался на нее в упор. У него были красивые пытливые глаза и взгляд человека, измученного бессонницей.

— Знаете, сколько раз за неделю я это слышу? Обзавидоваться можно хоть хирургу, хоть гинекологу! К любому другому специалисту если пациент придет, будь он немой — там ничего не скроешь, все понятно... А мне клещами тянуть приходится. Вы сами подумайте, человеку нужна помощь, а он мне врет! Пока сюда идет, обдумывает, как и в чем соврать, а как до этого кресла доходит, представляете, тут же и выздоравливает! Петляет, путается, лукавит, а я при этом еще должен постараться ему не навредить! Единицы говорят правду. Уважают мое и свое время. Но такие — большое исключение.

Самоварова вяло усмехнулась.

Как все это знакомо! Особенно про единиц, говоривших ей правду.

— Клещами, говорите... А почему вы считаете, что, сидя в этом своем кресле и думая сейчас на самом деле о том, бросать или не бросать вам курить, вы способны понять, что чувствую, например, я? На каком основании вы и ваши коллеги делаете свои назначения, выдаете беленькие или желтенькие круглые билетки в царство засохших растений? Нет, я понимаю, судя по вашей благородной седине и очкам, вы имеете большой опыт... Но

опыт чего? Подтянуть то, что вам удастся добыть из нашей лжи, к симптомам известного в психиатрической практике заболевания? А если оно не известно? А если это и не заболевание, а крик в пустоту? Молчание тоже кричать умеет... Вы такое никогда не предполагали?

Валерий Павлович с большим интересом смотрел на нее, и, как ей показалось, в его взгляде проскользнула усмешка.

Черт побери! Этот районный прилизанный умник еще хуже ведомственной Ларисы Евгеньевны — та хоть научилась изображать искреннее участие.

Самоварова решительно встала и направилась к дверям.

Валерий Павлович громыхнул креслом, неловко запнулся о какой-то провод на полу, быстро подскочил к ней и сделал такое движение, будто хотел взять ее за руку, но тут же отдернул руку.

— Судя по вашей реакции, вы уже имели дело с нашим братом... Я вижу, что вам не нравится мой кабинет и это кресло. Вы правы, мне здесь тоже не нравится. — Его голос сделался мягким и очень приятным на слух. — Вы милая, хоть и резкая женщина, к тому же, если честно, я все еще себя чувствую перед вами виноватым... Задержитесь вы, ради бога, на минуту, у меня к вам необычное предложение! Думаю, с вашим нестандартным мышлением вы его оцените.

— Интересно...

«Да он и в самом деле интересен... По крайней мере необычен! А когда тебя, дуру старую, мужчина в последний раз пытался так настойчиво клеить?»

— Раз уж мы с вами уже познакомились, и, замечу, совсем не по моей части, и раз уж вы последний мой пациент на сегодня... Что, если я, в обход всяких правил, возьму и приглашу вас сейчас в кафе? А там — захотите — расскажете, не захотите — сделаете доброе дело, поскольку дадите мне возможность как-то загладить свою вину. Я тоже вчера о вас думал... Когда вы так резко со мной простились, часть пути я был вынужден проследо-

вать за вами, мне было по дороге. Я видел, как вы остановились у витрины кафе, видел, как вы хотели зайти, но потом передумали.

Варвара Сергеевна густо покраснела.

Действительно, в кафе она не попала. Прямо перед входом пришло сообщение от Аньки, в котором та пыталась объяснить, что перепутала время доставки кошачьего корма и что через полчаса корм должны наконец привезти.

— Ну что ж... Давайте попробуем.

— Отлично! Только я угощаю!

— Само собой! — червно хмыкнула в ответ Самоварова.

* * *

Кофе из сезонного предложения, с лавандовым сиропом и мелко толченной миндальной крошкой, утопающей в воздушной сливочной шапке, оказался превосходным.

С десертом Варвара Сергеевна долго колебалась и в конце концов сделала выбор в пользу «Наполеона».

Тончайшие коржи поддерживали идеально взбитый, подмерзший за ночь лимонный крем, и каждый кусочек этого чуда буквально таял во рту.

Самоварова млела на солнышке, щедро заливавшем сквозь оконное стекло их маленький круглый столик, и медленно, смакуя каждый глоток, потягивала через трубочку лавандовый кофе.

Теперь уже новый знакомый вызывал у нее самое настоящее любопытство, но при этом от ее внимательного взгляда не укрывалось и то, что происходило за соседними столиками.

Две девицы, длинноногие, прошлым маем еще юные, но сейчас уже с такими лицами, будто делают всем присутствующим большое одолжение, долго изучали меню, с садистским удовольствием удерживая подле себя своих же лет официантку, чей усталый вид не могли скрыть ни форменный кружевной передник, ни алая помада на губах.

Охотницы... На кого они охотятся? Какой трофеей хотят заполучить? Если одной из них повезет, наживет она еще больше пустоты, и тень этой пустоты уже сейчас лежит на их дорогах, не по возрасту, кожаных сумках.

— Когда у мужчины нет денег, мне хочется в него высморгаться! — нарочито громко, хлопая фальшивыми ресницами, подытожила одна из подруг рассказ другой, состоявший в основном из слов-паразитов и незавершенных предложений. Девушки покрутили головами: все поняли?

И Самоваровой вспомнились прачки из сна, молодые и глупые, выставявшие, словно в витрине мясника, свои голые груди.

Самоварова доела торт, но когда проходившая мимо официантка попыталась забрать тарелку, вцепилась в нее, потянула к себе и принялась лепить на вилочку оставшиеся на тарелке крошки.

— Может, еще кусочек? — улыбнулся Валерий Павлович.

Он стал казаться ей даже очень симпатичным, осталось только заменить металлическую музыку, дребезжавшую в кафе, на какой-нибудь из вальсов Штрауса и постараться не думать о том, что он мозгоправ.

— Да нет... Не столько денег жалко, сколько фигуру!

За другой столик присели две женщины среднего возраста, в неброской, хорошего качества одежде.

— Я не понимаю, Вера... Как же так... Разве может так быть? Я вчера искала в интернете информацию про житие одной святой... Какая, получается, превосходная история! Говорят, она, через иконы с ее изображением, помогает абсолютно всем, даже некрещеным и иноверцам!

— Ой, я слышала про это! — перебила подруга. — И что же?

— Так вот, информацию-то я нашла... И сайт был такой, вроде православный, и, значит, читаю я о чудесах святой и каждую минуту на крестики нажимаю, чтобы избавиться от назойливой рекламы! Читаю, как она ски-

талась, а мне — то туфли пошлые леопардовые, то крем для укрепления оргазма предлагают купить! Ничего святого!

— Да, ужас! — согласилась подруга. — А Борька что?

— При чем тут Борька? Я тебе о чуде, а ты — Борька!

— Да нет, я вообще... Ну как он? — не сдавалась другая, не обращая внимания на то, что вопрос о Борьке не понравился подруге.

— Вера! Побойся Бога! Ты даже меня не слышишь! Плевать мне на него, хоть бы он завтра сдох!

— Да что ты несешь, Лиля?! Так-то зачем?

— Девушка, — схватила Лиля за фартук проходившую мимо официантку. — Не надо мне штрудель, аппетит что-то пропал! — бросила она, зло поглядывая на подругу.

— Ты бы к эндокринологу сходила... Нельзя так реагировать, я всего-то спросила, как твои дела с Борей!

— Какие дела?! — Лиля заерзала на стуле с таким остервенением, что стул испуганно закрипел. — Какие с ним могут быть дела?

— Ну как же, погоди... Ты сама с неделю назад вся цвела: «Ох, Боря, ах, Боря!» Тонкий, необыкновенный и тому подобное!

Вера, похоже, прекрасно понимала: все, что бы она сейчас ни сказала, неизбежно приведет к ссоре, но теперь уже она и не думала отступать.

— Ну что я, по-твоему, придумываю?!

— Слушай, я вот что тебе скажу: братец твой — просто обгадившийся в углу мальчик! Ему лечиться! От импотенции души и тела!

— Ах! Вот оно что... Значит, я так понимаю, все случилось? — усмехнулась Вера. Лиля покрылась пунцовыми пятнами. — Смешно... Лиль, может, тебе, вместо того чтобы про бытие святых по ночам читать, в самом деле туфли из леопарда купить и крем для оргазма?

— Дура! Какая же ты дура, Вера! — из обычной серой мышки Лиля уже успела превратиться в злоую крыску. Она резко встала и бросила на стол пятисотрублевую бумажку. — Хорошего тебе дня! Сначала вырастят ни на

что не пригодных, кроме культивации собственных страданий, инфантилов, а потом еще и издеваются!

— Лиля, я его не растила, он старше меня на три года, ты забыла?

— Тем более. Пусть и дальше живет с мамой. И советую тебе, дорогая, с приличными женщинами его больше не знакомить!

Сцена привлекла внимание не одной Самоваровой, Валерий Павлович сидел напротив и наблюдал за женщинами с таким сосредоточенным видом, будто размышлял, какой диагноз им поставить.

— А я тоже много лет жил с мамой, — неожиданно признался он, когда раскрасневшаяся Лиля уже выбежала из кафе.

После имени-отчества, места работы и наличия взрослого сына это было четвертым пунктом, который узнала о своем нелепом ухажере Самоварова, прекрасно отдававшая себе отчет в том, что они вряд ли еще увидятся. Она бросила взгляд на наручные часы: минут десять посидеть придется, уйти сразу после еды было бы верхом неприличия.

— А с женой?

— Нет жены.

Самоварова подумала и решила не задавать следующий вопрос — ну какое ей, в конце концов, до этого дело?

— А я с дочерью живу.

— Все правильно. Человек не должен жить один.

— Да нет. Человек *не может* жить один. Или питать ему кого-то надо, или самому питаться.

— Что, так все плохо, думаете?

— Ну почему плохо? Это законы. А уже как к ним относиться — исключительно дело выбора каждого.

И тут внутри Варвары Сергеевны торопливо, как вор с мешком, пробежало ощущение, которое она поймала вчера рядом с полковником, когда он держал ее руку.

Питаться полковником она не смогла, слишком любила. Так беззаветно, как, должно быть, те, кто верует, любят своего Бога, непонятного и недоступного.

В то время, пока Никитин составлял существенную часть ее жизни, она даже не пыталась анализировать, почему безо всякой борьбы отдавала его другим.

А после, годами глядя в ночную темноту, все-таки поняла почему.

Она всегда горела. Горела рядом с ним, горела в ожидании его, горела вместо него.

А он был тем, кто подбрасывал дрова в ее костер, лизавший и его лицо и руки, но не разжигавший в нем пожар.

А *та* догадывалась и допускала. Не только ее — были же и другие, звонкие и случайные, как стихи. Но *та* терпеливо ждала, отжимала и полоскала белье, даже не пытаясь найти какой-то особый смысл — просто заполняла все свободное пространство своими хлопотами, просьбами и доступностью теплого тела.

— Ну что вы замолчали? Сказали, в общем-то, банальность и оборвали тему.

— Сколько ни повторяй банальность, от нее не убудет, да и смысла она не потеряет.

— Возможно.

Хм... А что-то в нем все-таки было, в этом Валерии Павловиче...

Простой славянский тип внешности, за годы работы с людьми она таких множество встречала — и тут же забывала, но у этого будто звездочка невидимая на лбу нарисована...

Следующий его вопрос был столь неожиданным по отношению к внешнему и столь точным по отношению к внутреннему ее состоянию, что заставил Варвару Сергеевну растеряться.

— Скажите, а сильно вы его любили?

— Гм... А вы ее? — попыталась она отразить удар.

— Думал, что любил... А оказалось — только питался. Любопытство все-таки взяло верх:

— Она ушла к другому?

— К другой.

— Ух... Неожиданно! Действительно неожиданно...